

О. В. Васильева

**О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗДАХ
В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.)***

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье на материале первых выпусков Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. исследуется словообразовательная активность многозначных лексем разных частей речи в сопоставительном аспекте. Отмечаются семантический параллелизм, грамматическая вариантность, появление разного рода коннотаций у производных слов. Выделяются словообразовательно активные лексемы, семантика производных сопоставляется с семантикой производящих лексем. Прослеживаются словообразовательные цепочки. Анализируется состав и семантика наиболее богатых словообразовательных гнезд, представленных в Словаре на буквы А–З. Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: словообразование, историческая лексикология, семантика, историческая лексикография.

**DERIVATIONAL NESTS IN EVERYDAY LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA
(ON MATERIAL FROM DICTIONARY OF EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA
16–17th CENTURIES)**

O. V. Vasiljeva

St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9

The article investigates (on material from Dictionary of everyday Russian language of Moscow Russia 16–17th centuries) word-formative activity of polysemantic words from various parts of speech in comparison aspect. It marks semantic parallelism, grammatical variation, the appearance of all sorts of connotations in the derivatives of words. It examines tokens active in wordbuilding, the semantics of derivatives is associated with the semantics of generating tokens. A derivational chain is traced. We analyze the structure and semantics of the richest derivational nests given in the dictionary starting with the first letters of the alphabet. Refs 2.

Keywords: word formation, historical lexicology, semantics, historical lexicography.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси реализует идею Б. А. Ларина о словаре русского Средневековья. Русский язык XVI–XVII вв. — самого конца донационального периода — привлекал к себе пристальное внимание Б. А. Ларина на всем протяжении его научной деятельности. Языковая ситуация Московской Руси этого времени характеризовалась наличием двух типов единого литературно-письменного языка, значительно различавшихся между собою в лексике, грамматике и стилистике: церковно-книжного и народно-литературного. Первый был продолжением старославянского языка — древнего литературного языка славян, языка церковных книг, второй сложился в Киевской Руси на основе восточнославянской устной традиции поэтического творчества, осуществления судопроизводства, торговых сделок, дипломатических отношений. Ларинская концепция Словаря обиходного языка Московской Руси (далее — Словарь) [1] состоит в следующем. Необходимо не только выявить в текстах и подробно описать лексику и фразеологию

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ №14-04-00110а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. (вып. 7–8)».

общерусской разговорной речи, формировавшейся в XVI–XVII вв., но и постоянно учитывать при этом взаимовлияние книжного церковнославянского языка и живой разговорной речи, а также жанровое разнообразие памятников письменности, созданных на народно-разговорной основе.

Имена существительные, по материалам Словаря, обладают разной способностью к образованию производных лексем. Есть слова совсем без производных (чаще всего — заимствованные: *агент* ‘доверенное лицо’, *азнаур* ‘дворянин в средневековой Грузии’, *бакан* ‘красная краска’, *драбант* ‘телохранитель у владетельного лица в европейских странах’); с одной производной (*барс* → *барсовый*, *доха* → *дошишка*, *дочет* → *дочетный*, *драгун* → *драгунский*, *друкарня* → *друкарский*); с двумя (*аксамит* ‘драгоценная ткань с золотыми и серебряными нитями в основе’, производные — *аксамитить* и *аксамитный*; *ангел* → *ангельский* и *ангельски*, *аптека* → *аптекарский* и *аптекарь*, *арбуз* → *арбузец* и *арбузник* ‘кто выращивает арбузы’, *доход* → *доходишко* и *доходный*, *дрягиль* → *дрягильный* и *дрягильский*, *дуга* → *дуговой*, *дужка*, *дыня* → *дынный*, *дынька*, *дьявол* → *дьяволий*, *дьявольский*, *ерш* → *ершишко*, *ершовый*); с тремя производными (*арап* → *аранка*, *арапленин*, *арапский*, *атаман* → *атаманишко*, *атаманский*, *атаманство*, *атлас* → *атласец*, *атласишко*, *атласный*).

Но есть имена существительные с гораздо большим количеством производных. Причем они могут относиться как к исконной лексике (*баба*, *беседа*, *дочь*), так и к освоенным заимствованиям, что встречается реже (*аманат* ‘заложник’, *бархат*). У сущ. *аманат* четыре производных (*аманатный*, *аманатский*, *аманатство*, *аманатчик*), то же у лексемы *дуван* (*дуванить*, *дуваниться*, *дуванов*, *дуванский*) и у слова *зад* (*зади*, *задний*, *задок*, *задец*), у сущ. *алмаз* — пять (*алмазец*, *алмазик*, *алмазить*, *алмазник*, *алмазный*), как и у сущ. *бес* (*беситься*, *бесноваться*, *бесный*, *бесование*, *бесовский*).

Корень *дум* содержится, по данным 6-го выпуска Словаря, в 7 бесприставочных лексемах (*дума*, *думальник*, *думание*, *думать*, *думец*, *думный*, *думчий*, *думушка*), корень *жар* — в 12 (*жар*, *жараток*, *жарево*, *жаренина*, *жареный*, *жарина*, *жарить*, *жаркий*, *жарко*, *жаркость*, *жаровня*, *жарок*), корень *езд* — в 15 (*езд*, *езда*, *ездальи*, *ездить*, *ездиться*, *ездный*, *ездовой*, *ездок*, *ездочий*, *ездочный*, *ездуха*, *езжалый*, *езжание*, *езжение*, *езживать*), корень *дур* — в 20 (*дура*, *дуравый*, *дурак*, *дураковатый*, *дурачество*, *дурачить*, *дурачище*, *дурачок*, *дуредь*, *дурен*, *дурень*, *дурить*, *дурка*, *дурно*, *дурной*, *дурносоп*, *дуровать*, *дуровской*, *дуровство*, *дурость*), корень *друг- / друж* — в 29, а корень *дух- / душ* — в 35 бесприставочных словах. Очевидно, что все указанные гнезда содержат также немало количество префиксальных производных.

Столь же большое количество производных у лексемы *един* [1, вып. 6], которые представлены как словами с простой основой (*единачий*, *единачо*, *единачество*, *единачинный*, *единение*, *единенство*, *единиться*, *единица*, *едино*, *единова* и др.), так и сложными словами (*единоверный*, *единогласный*, *единодушно*, *единоматерный*, *единомысленник* и *единомышленник*, *единомыслие*, *единомышленно*, *единонравный*, *единообразный*, *единоплеменный*, *единорог*, *единородный*, *единосущный*, *единоумерший*, *единочадный* и др.). В свою очередь, корень *еже-* представлен в материалах Словаря только в сложных словах (*ежегод* и *ежегодь*, *ежегодно*, *ежегодный*, *ежедневно*, *ежедень*, *ежедневно*, *ежедневный*, *ежеднев*, *ежелет* и *ежелеть*, *ежелетный*, *еженедель*, *еженочей*, *ежечас*, *ежечасно*) — 16 производных, наречий и образованных от них прилагательных.

При образовании производных единиц, относящихся к одной и той же части речи, наблюдается как семантический параллелизм (чаще — при образовании имен прилагательных: *дочь* → *дочерин* и *дочерний*, *доска* → *дощаный* и *дощатый*, *дощаник* → *дощанинный* и *дощаничный*, *друг* → *другой* и *другий*, *дуло* → *дуплитый*, *дупле-натый*, *дуплятый*, *дуплястый*, *дьякон* → *дьяконин*, *дьяконицкий*, *дьяконов*, *дьяко-новский*, *дьяконский*, *ель* → *елевый* и *еловый*, *есаул* → *есаульный*, *есаульский*, *забор* → *заборов*, *заборный*), грамматический параллелизм (*дочь* → *дочеришка* и *дочеришко*, *дрань* → *дранец*, *драница*, *ересь* → *ересник* и *еретик*, *еретик* → *еретица* и *еретница*), так и появление разного рода коннотаций — уменьшительных, уничижительных, ласкательных и т. п. (у существительных: *дочишка*, *дочка*, *дочеришка*; *дощечка*; *до-щаничек*, *дощаничишко*; *дяденька*, *дядюша*, *дядюшка* и *дядюшко*; *дьячишко*, *дьячко*, *дьячок*; *елка*, *елочка*; *есаулишко*; *желудок*; *жемчужок*, *жилинка*, *жилка*; *заборец*, *забо-рина*, *заборишко*).

При параллельном существовании лексем с собственно русским и старославянским корнем можно сравнить их словообразовательную активность. Так, от сущ. *дерево* [1, вып. 5, с. 159–161] образовано 12 производных (*деревенный*, *деревина*, *деревишко*, *деревко*, *деревцо*, *деревье*, *деревяга*, *деревяница*, *деревяничник*, *деревяни-ще*, *деревянный*, *деревяшка*), тогда как от неполногласного *древо* (вып. 6) — только 6 производных (*древко*, *древоделец*, *древодельный*, *древоделя*, *древцо*, *древяной*). Аналогичное соотношение наблюдается, по материалам Словаря, и между русским словом *голова* (вып. 4, 138–146) и старославянским по происхождению словом *глава* [1, вып. 4, с. 82–83]. Лексема *голова* имеет 10 значений и от нее образовано 22 производных лексемы в 38 значениях, тогда как лексема *глава*, по данным Словаря, имеет только 5 значений и от нее образовано 7 производных лексем в 11 значениях.

Несомненно, номинируется то, что по тем или иным причинам важно для носителей языка. Так, например, к словообразовательно активной лексике относится сущ. *дрова*, 19 производных которого представляют собой в большинстве своем также имена существительные, простые (*дровальня*, *дровеник*, *дровенки*, *дровишки*, *дровни*, *дровник*) и составные (*дрововоз*, *дроводел*, *дровоетка*, *дроворуб*, *дровосек*, *дровосечка*, *дровосечство*), а также прилагательные (*дровяной*, *дрововозный*, *дровово-лочный*, *дроворубный*, *дровосечный*) и один глагол (*дровничать*).

Рассмотрим словообразовательные возможности многозначных слов. Все про-изводные от существительного *амбар* (*амбарец*, *амбаришко*, *амбарный*, *амбарушка*, *амбарицина*) мотивированы первым из трех значений производящей лексемы — ‘строение для хранения и продажи припасов или товаров’, тогда как *амбар* во вто-ром значении ‘строение производственного назначения’ и в третьем — ‘канцелярия и тюрьма при ней’ производных не имеют. Почему так происходит? Первый лекси-ко-семантический вариант (далее — ЛСВ) — это хозяйственно-бытовая реалья, без которой трудно представить себе быт того времени, а два других ЛСВ более специ-ализированы, у них более узкая сфера функционирования.

Аналогично и у слова *баня* все производные (*банищик*, *банный*, *банишка*, *банник*) мотивируются первым, основным значением лексемы. И снова мы видим то же са-мое явление: лексема в своем первом значении называет очень важную в жизни лю-дей реалью, причем национально-специфичную. Поэтому данный фрагмент карти-ны мира разрабатывается языком всесторонне: важно и название места, где моются,

и наименование лица, кто профессионально занимается 'помывкой', и уменьшительное существительное, и дух, который там живет, и т. д.

Однако так бывает не во всех случаях. Например, у сущ. *баба* (первого из четырех омонимов) имеется четыре значения ('женщина, обычно замужняя', 'жена', 'бабушка' и 'каменное изваяние'); производные мотивируются первыми тремя значениями (*бабий, бабка, бабин, бабоватый, бабоблуд, бабить, бабушка*). Все три значения существительного были очень употребительны в языке.

Количество ступеней словопроизводства в основном не превышает двух (*бархат* → *бархатель* → *бархательный, багр* → *багряный* → *багряница, безлеп* → *безлепница* → *безлепничник*).

Некоторые имена существительные, как правило, относящиеся к древней исконной лексике, обладают развитой семантико-словообразовательной структурой. Так, лексема *брат* [1, вып. 1, с. 270] в материалах Словаря встречается в пяти основных значениях: 1 — 'сын по отношению к другим детям тех же родителей'; 2 — этикетное, 'монарх по отношению к другому монарху'; 3 — 'всякий человек (христианин) по отношению к другому'; 4 — 'кто подобен кому-либо в определенном отношении'; 5 — 'член монастырской братии, монах'. В первом выпуске Словаря представлено около 30 производных этой лексемы, семантически восходящих ко всем пяти значениям слова *брат*. Это имена сущ. (*братан, братство, братина, братолюбец, братанич*), имена прил. (*братий, братский, братний, братерский, братинский, братственный*), наречие (*братски*). Целый ряд производных существительных, мотивированных первым основным значением лексемы, являются стилистическими или полными синонимами: *брателко, братец, братишка, братан, братеник, браток*. Лексема *братан* представлена только в пермских памятниках, *брателко* — исключительно в фольклорных текстах, зато *братеник* встречается как в бытовых текстах разных территорий, так и в фольклорном произведении. Ласкательное существительное *братец* стилистически маркирует как художественные тексты (русская повесть, исторические песни), так и бытовые — используется в письмах в качестве обращения. При этом для жанра переписки характерно устойчивое сочетание *батька и братец*, тогда как для фольклорных текстов — *братец родимый, двуродимый, названный*. Уничижительное *братишка* употребляется преимущественно в челобитных и в письмах. Таким образом, именно лексема *брат*, будучи стилистически нейтральной, употребляется наиболее широко, что подтверждается большим количеством примеров из текстов самых разных жанров и мест написания.

Термины родства очень важны для языкового сознания, поэтому так подробно и представлены. Не случайно и расширение семантики в производных значениях: монархи именуют друг друга *братьями*, подразумевая при этом не только равенство происхождения, но и высокую степень доверительности во взаимоотношениях (знач. 2); с христианской точки зрения всякий человек является братом для другого человека (знач. 3); эта идея всеобщего родства в еще более отвлеченном виде представлена в значении 'кто подобен кому-либо в определенном отношении' (знач. 4), с его устойчивыми сочетаниями *наш брат, ваш брат*; понятно, что и члены монастырского сообщества именуют себя и друг друга *братьями* (знач. 5).

Вполне предсказуемо, что собирательное сущ. *братья* имеет пять значений, соотносимых со всеми значениями лексемы *брат*. При этом не только *братья 1* явля-

ется собирательным к *брат 1*, *братья 2* — собир. к *брат 2* и т. д., но и фразеологизм *наша (ваша) братья* — собирательный к фразеологизму *наш (ваши) брат*.

Менее жесткие семантические отношения связывают имена существительные с производными именами прилагательными, образованными при помощи суффикса *-ск-*, однако в паре *брат* → *братский* мы видим тот же почти полный параллелизм семантики: *братский 1* — *прил.* → *брат 1*, *2* — *свойственный брату 2*, *3* — *свойственный брату 3*, *4* — *относящийся к объединению людей*, *5* — *прил.* → *братья 5*. Почти та же семантическая структура и у производного существительного *братство*: *1* — ‘родственные отношения’ (соотносится с *брат 1*); *2* — ‘мирные, дружественные отношения монархов, их государств и народов’ (соотносится с *брат 2*); *3* — сообщество христиан (соотносится с *брат 3*); *4* — ‘то же, что братья 5’ (соотносится с *брат 5*). Остальные производные существительного *брат* обладают меньшим количеством значений, соотносясь при этом с одним-двумя значениями производящего слова; каковыми выступают все, кроме четвертого. Сложные существительные (*братолюбец*, *братолюбие*, *братоненавидение*, *братоненавистник*, *братоубийца*), относясь к церковно-книжной лексике, мотивируются третьим значением слова *брат*. Примечательно, что при всей развитости данного словообразовательного гнезда словообразовательные цепочки снова коротки: *брат* → *братан* → *братанич*, *брат* → *братина* → *братинка* → *братиночка*.

Тридцать лексем с корнем *дуб* [1, вып. 6] организуются в словообразовательные цепочки следующим образом: *дуб* → *дубец*, *дубик*, *дубина*, *дубник*, *дубовый*, *дубок*, *дуболаз*, *дубосеки*, *дуботолк*, *дубрава* и *дуброва*, *дубить*, *дубчик*, *дубье*. В свою очередь, от некоторых из приведенных лексем образуются производные второй степени: *дубина* → *дубинка*, *дубинный*, *дубиночка*, *дубинушка*; *дубить* → *дубленик*, *дубленый*, *дублень*; *дубник* → *дубничек*; *дубняк* → *дубнешок*; *дубовый* → *дубовик*; *дубрава* → *дубравный*, *дубравушка*; *дуброва* → *дубровик*, *дубровка*, *дубровник*. Таким образом, в цепочках снова содержится не более трех звеньев.

Достаточно большими являются гнезда имен существительных с пространственно-векторной семантикой. Так, например, во втором выпуске Словаря представлено 34 бесприставочных производных от слова *верх* [1, вып. 2, с. 110]. Уже само это существительное имеет по материалам Словаря шесть основных значений и три оттеночных. Первое значение сформулировано достаточно широко, поскольку не все цитаты дают возможность однозначно истолковать семантику этой единицы: *1* — ‘самая высокая часть чего-л.; верхняя часть; поверхность’; в этом же значении выделяется оттенок ‘вершина дерева’; *2* — ‘верхняя часть постройки, кровля, купол’ с оттенками ‘чердак’, ‘верхняя, жилая часть дома’ и ‘потолок’; *3* — ‘верхняя матерчатая часть шапки’; *4* — ‘царский дворец’ с оттенком ‘боярская дума’ (во всех источниках лексема *верх* в этом значении употреблена с прописной буквы); *5* — ‘взгорье, возвышенность, верхняя часть оврага’; *6* — ‘исток, верховье реки; местность в верховье реки’. Все указанные производные значения слова, широкие и узкие, непосредственно связаны с основным значением и образованы от него путем метафорического переноса. Проследим, как семантика слова трансформируется в производных лексемах.

Непосредственно с существительным *верх* соотносятся три *прил.* — *верхний*, *верховный* и *верховой*. Все три многозначны, в отдельных своих значениях соотносятся со значениями существительного и между собой, в других значениях самосто-

ятельны. Первое из шести значений прилагательного *верхний* и из восьми значений прилагательного *верховой* коррелирует с основным значением существительного: 'расположенный сверху, выше чего-л. подобного', третье значение прилагательного *верхний* и второе значение прилагательного *верховный* — 'расположенный выше по течению реки, близкий к ее истоку' — с шестым значением существительного. Второе значение прилагательного *верхний* — 'расположенный на возвышенности; более высокий по сравнению с другим' соотносится с пятым значением существительного. Следующие три значения прилагательного *верхний* более самостоятельны, хотя и они тоже самым непосредственным образом связаны с предыдущими и со значениями существительного *верх*. Это 4 — 'наружный, поверхностный' (имеется корреляция с первым значением существительного); 5 — 'носимый, надеваемый поверх чего-л.' (наиболее самостоятельное значение) и 6 — 'высший, связанный с правителем страны' (корреляция с четвертым значением существительного).

У прилагательного *верховный* первое значение — 'высший, главный' — частично соотносится с первым и четвертым значениями существительного и шестым значением прилагательного *верхний*, однако оно иное, поскольку реализуется в связанном сочетании *верховные апостолы*. Второе значение, как уже было сказано, совпадает у прилагательных *верхний* и *верховный*. Третье — 'направленный в верховье реки' — коррелирует с предыдущим, но отличается от него семой направления; наконец, четвертое значение — 'передвигающийся верхом' — вполне самостоятельно.

Прилагательное *верховой*, совпадая в двух своих значениях с прилагательным *верхний* (знач. 'расположенный сверху' и знач. 'расположенный выше по течению'), в остальных своих значениях самостоятельно: 2 — 'находящийся на службе при царском дворе' (коррелирует с одним из значений существительного *верх*); 4 — 'предназначенный для движения против течения, вверх по реке' (соотносится и с одним из значений существительного *верх*, и с предшествующим собственным значением, и с отдельными значениями прилагательного *верхний* и *верховный*); 5 — 'используемый для езды верхом', с оттенком 'передвигающийся верхом на лошади' (совпадающим с одним из значений прил. *верховный*). Следующие три значения прилагательного *верховой* полностью самостоятельны: 6 — 'предназначенный для навесной стрельбы'; 7 — 'относящийся к разведению пчел в бортиках'; 8 — дополнительный.

В гнездо существительного *верх* входит около 20 существительных — суффиксальных производных, большая часть из которых однозначны, но есть и многозначные: *вершина* 1 — 'верхняя часть дерева' (соотносится с *верх* 1); 2 — 'гора, холм' (соотнос. с *верх* 5); 3 — 'исток, верховье реки' (то же, что *верх* 6). Существительное *вершок* в первом значении 'верхняя часть чего-л.', соотносится с первым значением существительного *верх*; 2, более конкретное, — 'верхняя часть шапки'; 3 — 'взгорье, обрыв, возвышенность, верхняя часть оврага'. С первым значением существительного *верх* соотносятся такие существительные, как *верхник* 'фартук', *верхница* 'сарафан, верхняя рубашка', *верхницы*, *верхонки*, *вершки* — 'верхние рукавицы', с третьим — *верховище* 'верхняя часть головного убора' (такое значение есть и у существительного *вершок*). Существительное *верховина* 'овраг, в котором течет ручей' также соотносится с семантикой существительного *верх*, *верховье*, это 1 — 'местность у истока реки' (соотносится с *верх* 6) и 2 — 'местность на холме' (соотносится с *верх* 5).

Основное, самое широкое значение существительного *верх* в производных именах каждый раз конкретизируется по-разному. Так, сема *верхняя часть* в существи-

тельном *вершине* развивается в значение 'древесные побеги, плоды' (соотносится с *вершок*), к которым, в свою очередь, опосредованно восходят *вершаник* 'торговец зерном' и *вершаный* 'продающий зерно, муку'. Точно так же прилагательное *вершинный* в первом значении мотивируется основным значением существительного *верх* — *вершина* — *вершок* — 'относящийся к верхней части чего-л.', второе значение прилагательного соотносится с шестым значением существительного *верх* — 'относящийся к верховью реки'. Значение существительного *верховник* и *вершник* — 'всадник' — соотносится с семантикой наречий, возникших в результате адвербиализации форм имени существительного — *верхом*, *верхами*, *верхи*, а также со значением прилагательного *верховный* и *верховой* 'передвигающийся верхом'. Производное существительное *верховка* обладает самостоятельным значением — 'налог, оплата сверх установленного', где развивается идея превышения чего-л.

Наконец, глагол *вершить* со своими производными достаточно далеко отстоит от семантики существительного *вверх*. Наиболее близко к существительному основное значение глагола — 'заканчивать верхнюю часть строения', а далее развиваются специфически глагольные значения: 2 — 'совершать, заключать'; 3 — 'рассматривать судебное дело, выносить приговор'; 4 — 'казнить'. Глагол *вершиться* в первом значении — 'длиться' — самостоятелен, во втором — 'рассматриваться, решаться (о судебных делах)' произведен от *вершить* 3, значение фразеологизма *вершиться смертным часом* — 'умереть' — также соотносится с последним значением глагола *вершить*. Существительное *вершенье* производно и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики: 1 — 'рассмотрение судебного дела'; 2 — 'наказание, казнь'.

Таким образом, семантика производных от существительного *верх* иллюстрирует как метонимические типы переноса, так и метафорические. Номинируются как конкретные реалии (предметы одежды, части растений, элементы ландшафта, люди), так и абстрактные (завершение процесса). То есть развитие семантики в производных словах идет по пути специализации и абстракции.

Рассмотрим гнездо с корнем *бел* [1, вып. 1].

Имя прилагательное *белый* [1, вып. 1, с. 126] имеет шесть значений: 1 — 'цвета снега, молока'; 2 — 'светлый, желтоватого или сероватого оттенка'; 3 — 'чистый'; 4 — 'относящийся к белью, сделанный из холста или полотна'; 5 — 'освобожденный от феодальных повинностей, податей'; 6 — 'не постриженный в монашество'.

Производные относятся к именам существительным (*бела*, *беленье*, *белила*), прилагательным (*белешенький*, *белогубый*, *белокаменный*), глаголам (*белеться*, *белить*) и наречиям (*бело*, *белехонько*). В первом выпуске слов с корнем *бел* более 60, при этом большую часть производных составляют имена существительные и прилагательные (последние в силу того, что корень *бел* содержится в целом ряде сложных имен: *белоглазый* и т. п.).

В производных словах чаще всего реализуется цветовая семантика (от 1-го и 2-го значений прилагательного) 'цвета снега, молока': *белизна* 'белое пятно', *белок*, *белыш* 'прозрачное вещество, окружающее желток в яйце', *бель* 'отбеленная льняная пряжа', *белодушчатый* 'с белым мехом на груди', *белохвостый* 'с белыми перьями в хвосте'. 'Светлый': *белеться*, *белан* 'светловолосый человек', *белоголубой*, *белокурый*. Только два слова мотивированы третьим значением прилагательного *белый* — 'чистый': *беленько*, *белехонько* 'чисто' и два слова производны от шестого

значения — ‘не постриженный в монашество’: *белец, белица*. Несколько продуктивнее пятое значение прилагательного *белый* — ‘освобожденный от повинностей’: *беломестный, белопоместный, беломестец, белопашец*. Таким образом, производные слова от прилагательного *белый* в первую очередь мотивированы цветовыми значениями. Максимальное количество ступеней производности — 2 (*белый* → *белить* → *белиться, белый* → *беленький* → *беленько* и *белый* → *белуга* → *белужий*). Зато общее количество производных весьма велико. В тех случаях, когда производные лексемы многозначны, также представлены цветовые значения. *Белить*: 1 — ‘придавать белый цвет чему-л., отбеливать’ (от первого значения прилагательного *белый*); 2 — ‘делать светлее, осветлять’ (от второго значения прилагательного) и 3 — ‘добавлять в пищу сметану, молоко’ — более узкое значение глагола, производное от предыдущего.

И снова мы видим, что развитие семантики идет от конкретного к абстрактному, причем очень точно подмечаются конкретно-бытовые реалии (*белыш, белок, белан*). А всё, что связано с освобождением от налогов, это уже абстракция, но важные социально-политические и экономические реалии времени. Как и то, что связано с монашеством.

В 6-м выпуске Словаря представлены префиксальные производные с этим корнем и приставкой *за-*. Это *забела* (‘сметана, сливки или молоко как приправа к пище’), *забеливать* (‘добавлять молоко, сливки или сметану’), *забелка* (‘заправка из молока, сметаны или муки’), *забелеться и забелиться* (‘начать белеть’), *забель* (‘изъян древесины, образовавшийся из-за отсутствия коры на участке ствола’). Отмеченные выше тенденции развития семантики лексем с корнем *бел* здесь снова подтверждаются.

В том же 6-м выпуске представлена и бесприставочная часть гнезда с корнем *желт*. Это такие лексемы, как *желтить, желтик, желтоватый, желтоводский, желток, желтоносый, желтость, желтство, желтый, желтыш, желть, желуница*. Прилагательное *желтый*, в отличие от прил. *белый*, однозначно, и все производные мотивируются этим единственным цветовым значением.

Пожалуй, наиболее интересными с точки зрения семантико-словообразовательных связей являются глагольные гнезда. В них присутствуют производные всех возможных четырех частей речи (существительные, прилагательные, наречия, глаголы), причем последние могут образовывать видовые пары, быть возвратными или глаголами многократного действия.

Глагол *бегать* в источниках Словаря [1, вып. 1, с. 94] представлен в шести значениях: 1 — ‘быстро передвигаться, отталкиваясь ногами’; 2 — ‘быстро ехать, плыть’; 3 — ‘спасаться бегством’; 4 — ‘самовольно уходить, совершать побег от помещика, мастера, со службы’; 5 — ‘скрываться от преследования’; 6 — ‘избегать кого-л., уклоняться от чего-л.’ Отглагольное существительное *бег* производно не только грамматически, но и семантически: первое его значение толкуется отсылочно (сущ. → бегать 1), второе — ‘движение, плавание судна’ — также коррелирует с чуть более широким вторым значением глагола, третьему значению глагола — ‘спасаться бегством’ — соответствует фразеологизм *предаваться бегу*. Четвертое значение глагола — ‘совершать побег’ — не имеет бесприставочного производного существительного, зато пятое — ‘скрываться от преследования’ — семантически отражается в значении существительного ‘пребывание где-л. после побега’, точно так же, как отенок указанного значения глагола — ‘сбежав, жить где-н. тайно’ — имеет фразеоло-

гическую параллель в *бегах*. Шестое значение глагола, подобно четвертому, не имеет параллели в семантике слова *бег*. Другое производное существительное — *беглец* — толкуется как ‘кто спасается бегством или совершил побег’, т. е. отсылает нас к 3-му и 4-му значениям производящего глагола. Аналогичная мотивировка и у его производного — *беглянка*, и у прилагательного *беглый* во втором значении, где зафиксированы, между прочим, и субстантивы *беглый* (то же, что *беглец*) и *беглая* (то же, что *беглянка*). Отглагольное прил. *бегучий* соотносится с первым значением глагола как в своем первом значении — ‘умеющий хорошо бегать’, так и во втором — ‘спешащий (о часах)’. Наречие *бегом* в материалах Словаря коррелирует как с первым значением глагола (‘быстро, поспешно’), так и с четвертым (‘совершив побег’). Как видим, отглагольные производные актуализируют в семантике лексемы *бегать* два аспекта — ‘быстро передвигаться’ и ‘совершать побег’. Что касается производных бесприставочных глаголов, то лексема *бегивать* толкуется ‘то же, что бегать 4’ (т. е. тоже ‘совершать побег’). А глаголы *бежать* и *бечь* почти тождественны по семантике глаголу *бегать*, но представлены в меньшем количестве значений (*бежать* — 1, 2, 3, 4 и 6-е значения глагола *бегать*, *бечь* — 1, 2 и 3-е значения). Здесь следует отметить, что номинируются, во-первых, передвижение, а во-вторых, очень важные реалии, связанные с существующим институтом холопства, — *беглая*, *беглец*, *беглянка*, в *бегах*.

В гнездо глагола *варить* [1, вып. 2, с. 26] входит 20 бесприставочных лексем, представленных в основном именами существительными и прилагательными. Три значения глагола характеризуют три сферы деятельности: 1 — ‘приготавливать пищу кипячением’; 2 — ‘приготавливать хмельные напитки’; 3 — ‘приготавливать нагреванием и кипячением (о технических продуктах)’. И если приготовление еды (щей, каши, капусты, свеклы, рыбы) и питья (пива, вина, браги) — то, чем занимались в каждом хозяйстве, то третье значение знакомит нас с определенными промыслами, поэтому в нем выделяются такие сочетания, как *варить соль*, *варить варницы*, *руду варить*, *варить селитру*, *варить ямчуги*, *фитили варить*. Любопытно, что в производных именах приготовление хмельных напитков и приготовление соли, селитры, дегтя и других веществ не дифференцируется, что отражает близость данных процессов. Так, *варница* — это ‘помещение, специально оборудованное для изготовления путем варки пива, соли, селитры и других веществ’, *варничница* — ‘место, отведенное для постройки варницы’, *варничный* — прил. → ‘варница’. Точно так же в семантике отглагольного сущ. *варенье* выделяется два значения — ‘кушанье, блюдо, приготовленное способом варки’ и ‘приготовление чего-л. кипячением’, где соседствуют *соленое варенье*, *пивное варенье*, *фитильное варенье*, *мыльное варенье*, *селитренное варенье*. Любопытна фиксация в «Назирателе» [2] еще одного значения существительного, тоже связанного — *варение желудковое*, т. е. пищеварение, где прилагательное указывает не на объект, а на субъект действия. Другое отглагольное существительное, называющее лицо, — *варец* — объединяет в своей семантике все процессы приготовления — и еды, и питья, и соли. Та же обобщенность семантики была присуща и слову *повар*, поскольку сочетание *варничный повар* называло человека, работающего на солеварне. Иное отглагольное существительное — *варя* — в первом своем значении также объединяет приготовление напитков, соли и др. У этой лексемы есть второе значение, где снова напитки, соль, мыло и другие вещества представлены вместе — это ‘количество чего-л., сваренное в один прием’, а также третье значе-

ние, такое же, как у слова *варница*, в примерах на которое встречаются и *квасные вари*. Существительное *варево* реализует семантику только первого значения производящего глагола — это ‘пища, приготовленная варкой’, тогда как второе значение снова количественное: ‘количество рыбы или мяса, достаточное для одной варки’. В семантике отглагольного прилагательного *вареный* снова встречаются ‘пищевое’ и ‘промышленное’ значения: 1 — ‘приготовленный в пищу способом варки’ (в котором есть и *вареное молоко*, которым называлось молоко топленое); 2 — ‘полученный кипячением’, где снова присутствует *вареная соль*, а также появляется новый оттенок — ‘обработанный кипячением’ (*шелк сырец и вареный*). Прилагательное *варчий* имеет широкое значение ‘предназначенный для использования при варке’ (*варчий котел*). У *вареного молока* есть в этом гнезде синоним *варенец* (слово однозначное). Однозначно и существительное *варь* — это ‘осадок, остающийся на стенках после солеварения’. А вот существительное *вар* — слово широкой семантики, но, в отличие от существительного *варенье*, не во всех своих значениях соотносимое с глаголом *варить*. *Вар* — это 1 — ‘жара, зной’; 2 — ‘кипяток’; 3 — ‘приготовленная пища, сваренный напиток’ (только здесь мы видим корреляцию с семантикой глагола); 4 — ‘количество напитка, сваренное за один прием’ (это значение было и у слов *варя и варево*) и 5 — ‘очищенная и сгущенная варкой смола’ — новое значение, косвенно соотносимое с «техническим» значением глагола *варить*. Первым значением существительным *вар* мотивируется прилагательное *варный* ‘жаркий, знойный, палящий’ и вслед за ним наречие *варно* ‘жарко, знойно’. Эта «температурная» семантика, безусловно, сопровождает процесс варения, однако в семантике глагола совсем не актуализирована, все три его значения, как мы помним, сугубо результативны. От последнего, «смоляного» значения существительного *вар* образованы прилагательные *варовый* и *варовинный* — ‘обработанный варом, смолой, просмоленный’, а также существительные *варовка* и *варовина* — ‘веревка, обработанная варом, смолой’. Таким образом, мы видим, что имена существительные, представленные в гнезде глагола *варить*, и имена прилагательные, образованные от них, реализуют гораздо более широкую семантику по сравнению с глагольной. В них актуализируются имплицитные (периферийные) семы глагола.

В гнездо с историческим корнем жи- [1, вып. 6] входит 81 бесприставочная лексема — имена существительные, прилагательные, реже глаголы и наречия: с алломорфом *жив* 21 слово (простые: *живать, живаться, живец, живить, живиться, живность, живой, живучий, живущий, живьем*; сложные: *живодер, живодавец, живоначальный, живоносец, живописец, живописный, живописцев, живопись, живопротольный, животворящий, животекущий*); с корневой морфемой *живот* 11 лексем (*животенковый, животильный, животного, животинина, животинишка и животинишко, животинка, животинный, животинско, животный*); с корнем в виде *жизн* 2 слова (*жизный, жизнь*); с корневой морфемой *жил* 11 слов (*жиление, жилец, жилицкий, жилища, жилище, жилищечко, жило, жилой, жильё, жильцов, жильчишко*); с корнем в виде *жир* 2 слова (*жир, жира*); и, наконец, с корнем *жит* 33 лексемы (*житарь, житвенка, житво, житейный, житейский, житейцо, житель, жительница, жительный, жительский, жительство, жительствовать, житенка, житенный, житецкий, житие, житий, житишко, житник, житница, житницкий, житничный, житный, житня, жито, житодавец, житопродавец, житр, житца, житье, житьишко, житься*). Есть здесь лексемы, образованные аффиксацией (*живать, живаться, живец,*

живить, житьеся, живность, живой и др.), и слова со сложной основой (*живодер, живодавец, живоначальный, живоносец, живописец, живопросольный, животворящий, животекущий* и др.). Семантическое разнообразие производных также очень широко, что может быть предметом самостоятельного рассмотрения.

Подводя итоги, можно отметить следующее:

- большие словообразовательные гнезда имеют те производящие слова, которые относятся преимущественно к исконной лексике;
- области повышенной номинативной плотности маркируют важные фрагменты быта, культуры времени;
- в производных словах происходит частичное «снятие» синкретизма корня, актуализируются периферийные семы производящего.

Литература

1. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1. СПб.: Наука, 2004; Вып. 5. СПб.: Наука, 2012; Вып. 6. СПб.: Наука, 2014 (вып. 7 составляется).
2. Назиратель / АН СССР. Ин-т рус. яз.; изд. подгот. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1973.

Статья поступила в редакцию 12 августа 2014 г.

Контактная информация

Васильева Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент; barcarola@list.ru
Vasiljeva Olga V. — Candidate of Philology, Associate Professor; barcarola@list.ru